

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

к н и г и
ГЕНРИ ДЖЕЙМСА
в серии
«ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЕВРОПЕЙЦЫ
БОСТОНЦЫ
КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ

Генри
Джеймс

КРЫЛЬЯ
ГОЛУБКИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 40

Перевод с английского Ирины Бессмертной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-05460-8

© И. Бессмертная, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство Иностранка®

TOM I

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Она все ждала, Кейт Крой, чтобы ее отец вошел в комнату, а он бессовестно ее задерживал, и время от времени зеркало над каминной полкой показывало ей ее лицо: оно просто побелело от раздражения, которое в какой-то момент чуть было не заставило ее уйти, так и не повидав отца. Однако именно в этот момент она и осталась, пересев с одного места на другое: сменила потертую софу на кресло, обитое блестящей тканью, оказавшейся одновременно — она потрогала обивку — и скользкой и липкой на ощупь. Кейт уже рассмотрела болезненно желтый узор обоев, взглянула на одинокий журнал — годичной давности, и это, в сочетании с небольшой лампой в цветном стекле и белой вязаной салфеткой посреди главного стола (салфетке недоставало свежести), должно было подчеркивать некогда пурпурный цвет скатерти; более того, Кейт даже время от времени выходила постоять на маленьком балконе, куда открывали доступ два высоких окна-двери. Маленькая вульгарная улочка, видимая с балкона, вряд ли могла облегчить впечатление от маленькой вульгарной комнаты: ее главным назначением было подсказать Кейт, что узкие черные фасады домов, построенные по образцу слишком низкого уровня даже для задних фасадов, придавали всему здесь ту массовость, какую и подразумевала такая уединенность. Вы чувствовали их в этой комнате так же, как чувствовали саму комнату — сотни таких же, или еще того хуже, комнат — на улочке внизу. Каждый раз, как Кейт возвращалась с балкона, каждый раз, в раздражении, она решала бро-

сильно отца, но такое решение должно было бы затронуть более глубокие глубины, а сейчас она ощущала вкус слабых, безжизненных эманаций, исходивших от вещей вокруг: неудавшаяся судьба, утрата состояния, утрата чести. Если она и продолжала ждать, то на самом деле потому, что ей, вероятно, не хотелось добавлять стыд из-за боязни собственного, личного провала ко всем, уже существующим, причинам стыдиться. Однако чувствовать эту улицу, чувствовать эту комнату, эту скатерть, салфетку и лампу оказалось для Кейт ощущением почти целительным: по крайней мере, здесь не было ни лжи, ни увильваний. И все же это зрелище оказалось худшим из всего, что можно было ожидать, включая, в частности, беседу, ради которой она собрала всю свою храбрость; да для чего же она приехала сюда, как не для самого плохого? Чтобы не быть сердитой, она попыталась быть печальной, и ее страшно рассердило то, что печальной быть она не смогла. Но где же страдание, несчастье человека, слишком побитого, чтобы можно было его винить и пометать мелом, как метят «лот» на публичных аукционах, если не в этих беспощадных признаках явно оскудевших и очерствевших чувств?

Жизнь ее отца, сестры, ее собственная, жизнь двух ее потерянных братьев — вся история их дома — походила на цветистую, объемистую фразу, допустим даже музыкальную, которая поначалу уложилась в слова и ноты безо всякого смысла, а потом, зависнув незаконченной, осталась и вовсе без слов и без нот. Для чего надо было привести в движение группу людей, в таком масштабе и в такой атмосфере, что они могли полагать, будто снаряжены для успешного путешествия, лишь затем, чтобы они потерпели крушение без аварии, растянулись в придорожной пыли без всякой причины? Ответа на эти вопросы нельзя было найти на Чёрк-стрит, однако сами вопросы изобиловали на этой улице, и частые остановки девушки перед зеркалом и камином, возможно, свидетельствовали, что она очень близка к тому, чтобы этих вопросов бежать. Не было ли частичным бегством от того «худшего», в котором она погрязла с головой, то, что она нашла в себе силы выбраться оттуда, сохранив приятный вид? Кейт слишком пристально вглядывалась

в потускневшее стекло, вряд ли затем, чтобы разглядывать только собственную красоту. Она поправила черную шляпку с плотно прижатыми перышками, прикоснулась к густой, темной челке, падавшей из-под шляпки на лоб; задержала взгляд — искося — на прелестном овале повернутого чуть в сторону лица, и не более короткий, но прямой — на нем же, прелестном, анфас. Она была одета во все черное, что, по контрасту, придавало ровный тон ее чистому лицу и делало ее темные волосы более гармонично темными. Снаружи, на балконе, ее глаза выглядели синими, внутри, перед зеркалом, они казались почти черными. Она была красива, но красота ее не подчеркивалась ни вещами, ни вспомогательными средствами, и более того, обстоятельства почти всегда играли свою роль в том впечатлении, которое она производила. Впечатление это обычно не менялось, хотя что касается его источников, никакое добавление слагаемых не дало бы возможности получить целое. Она была статной, хотя и невысокой, грациозной, хотя скуповатой в движениях, представительной без массивности. Изящная и простая, часто не проносившая ни звука, она всегда оказывалась на линии глаз — она доставляла исключительное удовольствие взгляду. Более «одетая», чем другие женщины, но с меньшим количеством аксессуаров, или менее одетая, если требовала ситуация, — с большим, она сама, вероятно, не смогла бы дать ключ к таким счастливым умениям. Это были тайны, существование которых сознавали ее друзья — те, кто обычно объяснял это явление тем, что она умна, независимо от того, воспринимало ли общество эти слова как причину или как следствие ее очарования. Если Кейт видела в тусклом зеркале отцовской квартиры больше, чем собственное прекрасное лицо, она могла бы разглядеть, что она, в конце концов, вовсе не та, кто переживает неожиданный крах. Она была не из тех, кто ни в грош себя не ставит, она не собиралась впасть в нищету. Нет, она сама вовсе не была помечена мелом для аукциона. Она еще не сдалась, и прерванная фраза, если Кейт была в ней последним словом, *во что бы то ни стало завершится* неким смыслом. Наступила минута, в течение которой, несмотря на то что глаза ее были прикованы к зеркалу, Кейт совершенно явно погрузилась в мысли о том,

каким образом она могла бы привести все в порядок, если бы была мужчиной. Прежде всего она взялась бы за имя — драгоценное семейное имя, которое ей так нравилось и за которое, несмотря на вред, причиненный ему ее несчастным отцом, еще можно было молиться. На самом деле она любила свое имя еще нежнее из-за этой кровоточащей раны. Но что тут могла поделывать девушка, оставшаяся без гроша? Только смириться с создавшимся положением.

Когда наконец ее отец появился, Кейт тотчас же ощутила — как это бывало всегда, — что любые усилия о чем-либо с ним договориться совершенно бессмысленны. Он написал ей, что болен, слишком болен, и не выходит из своей комнаты, но должен незамедлительно ее повидать, и если это было, что вполне вероятно, сознательной уловкой, то отец даже не считал нужным хоть как-то прикрыть обман. Он явно хотел с ней увидеться — из каприза, который именовал «своими резонами», — как раз тогда, когда она сама испытывала острую необходимость поговорить с ним; но теперь она снова почувствовала, из-за его непрестанно вольного с ней обращения, всю старую боль, боль ее несчастной матери, поняла, что отец не мог даже чуть-чуть прикоснуться к вам без того, чтобы вас не спровоцировать или не оскорбить. Не бывало так, чтобы отношения с ним, даже самые краткие или поверхностные, не причинили бы вам вреда или боли; и это, самым странным образом, не потому, что он именно этого желал — часто чувствуя, как и должен был, всю выгоду от того, чтобы такого не случилось, — но потому, что вы всегда безошибочно понимали, что он может уйти непристойно, всегда в вас жило убеждение, что для него невозможно подойти к вам, не «изготовившись». Он мог бы поджидать ее на софе в своей гостиной или же остаться в постели и встретить ее в таком положении. Кейт была благодарна, что ее избавили от лицемерия его внутренних покоев, но тогда ей не напомнили бы о том, что в ее отце никогда не было правдивости. В этом и крылась утомительность каждой новой встречи: он раздавал ложь, как раздавал бы карты из засаленной старой колоды для игры в дипломатию, за которую вам приходилось с ним садиться. Неудобство — как всегда бывало в таких случаях — заключа-

лось не в том, что вы терпеть не могли фальши, а в том, что вы не видели, где правда. Отец мог и в самом деле быть болен, и вас могло бы устроить, что вы в этом убедились, но никакой разговор с ним об этом никогда не был бы достаточно правдивым. Точно так же он мог бы даже умереть, и Кейт справедливо задумывалась над тем, на каком его собственном доказательстве она смогла бы когда-нибудь в будущем основываться, чтобы этому поверить.

Вот и сейчас отец вовсе не спустился в гостиную из своей спальни, которая располагалась, как Кейт было известно, прямо над гостиной, где находились теперь они оба: он выходил из дому, хотя, если бы она потребовала от него объяснений, он либо отрицал бы сей факт, либо представил бы его в подтверждение своего крайне безвыходного положения. Однако к этому времени Кейт совершенно перестала требовать от отца объяснений: она не только, встречаясь с ним лицом к лицу, отбрасывала бесполезное раздражение, но он так замарывал ее ощущение трагического, что буквально через мгновение от ее осознания трагедии не оставалось и следа. Неменьшей трудностью было и то, что он точно таким же образом опошлял и ее осознание комического: ведь Кейт почти верила, что с помощью этого последнего ей удастся найти точку опоры, чтобы остаться верной отцу. Он перестал ее забавлять. Он стал действительно бесчеловечен. Его прекрасная внешность, помогавшая ему так долго оставаться на плаву, практически не изменилась и все еще была прекрасной, но ведь ее уже так долго воспринимали как нечто само собою разумеющееся. Ничто не могло быть более ярким доказательством того, как окружающие были правы. Он выглядел абсолютно как всегда — весь розово-серебряный, если говорить о цвете лица и волос, весь прямой и накрахмаленный, если речь вести о фигуре и одежде: человек из общества, менее всего ассоциирующегося с чем-либо неприятным. Он выглядел истинным английским джентльменом и хорошо обеспеченным нормальным человеком. Сидя за иностранным табльдотом, он вызывал лишь одну мысль: «Какими же совершенными рождает их Англия!» У него был добрый, безопасный взгляд и голос, который, несмотря на свою ясную звучность, расска-

зывал тихую сказку о том, что никогда, ни разу не пришлось ему повиситься. Жизнь так и встретила его — на полпути — и повернула его вспять, чтобы пойти вместе, взяв его под руку и любовно позволив ему самому задавать темп. Те, кто мало его знал, говорили: «Как он одевается!» Те, кто знал его лучше, говорили: «Как это ему *удается*?» Единственный случайный промельк комического, на взгляд его дочери, был в том, что он на миг вызвал у нее абсурдное ощущение, что в этой убогой квартире он «взирает» на дочь как на единственную возможность спасения. С минуту после его прихода казалось, что это ее квартира, а сам он — посетитель с обостренной чувствительностью. Он умел вызывать у вас абсурдные ощущения, он владел неопи-суемым искусством меняться ролями, бить вас вашим же оружием: именно так и получалось всегда, когда он приходил повидаться с матерью Кейт, пока мать соглашалась с ним видеться. Он являлся из мест, о которых они часто ничего не знали, тем не менее он явно свысока относился к Лексем-Гарденс.

Однако единственным подлинным выражением раздражения Кейт было:

— Я рада, что тебе гораздо лучше!

— Мне вовсе не гораздо лучше, моя дорогая, — я чрезвычайно плохо себя чувствую. Доказательством чему служит как раз то, что мне пришлось выйти в аптеку, она на углу, а аптекарь — грубое животное. — Так мистер Крой продемонстрировал весьма квалифицированное искусство смирения, и это его вполне удовлетворило. — Я принимаю что-то, что он сделал специально для меня. Именно поэтому я и послал за тобою — чтобы ты могла увидеть меня таким, каков я на самом деле.

— Ох, папа, давно прошли те времена, когда я видела тебя иначе — не таким, каков ты на самом деле. Мне кажется, мы все давно уже нашли правильное слово для этого: ты прекрасен — *n'en parlons plus*¹. Ты так же прекрасен, как всегда. И выглядишь прелестно.

Отец тем временем оценивал ее внешность, а Кейт и не сомневалась, что ей следует этого ждать, — он делал это всегда:

¹ Не будем больше говорить об этом (*фр.*).

отдавая должное, составляя свое мнение, порой неодобрительное, о том, как она одета, показывая дочери, что он по-прежнему ею интересуется. Вполне могло быть и так, что на самом деле она его вовсе не интересовала, однако она действительно чувствовала себя в мире тем существом, к которому он был менее всего равнодушен. Кейт довольно часто задумывалась над тем, что же на свете, при том трудном положении, в котором он теперь находился, могло доставлять ему удовольствие, и, размышляя о таких встречах, пришла к определенному выводу. Ему доставляло удовольствие, что она красива, что она по-своему представляет вполне осязаемую материальную ценность. Тем не менее было точно так же заметно, что из другого своего дитяти он не мог извлечь ничего подобного в подобных же обстоятельствах, если бы они *были* подобными. Бедняжка Мэриан могла быть сколько угодно красивой, но он оставался к этому безразличен. Загвоздка здесь, разумеется, заключалась в том, что сестра Кейт, какой бы красивой она ни была, — вдовела на грани нужды, с четырьмя шумливыми детишками, и не могла мериться той же меркой, то есть осязаемой ценности не представляла. Следующий вопрос, заданный отцу, был о том, как давно он поселился в своей теперешней квартире, хотя Кейт прекрасно сознавала, как мало это значит и как мало общего с правдой мог бы иметь любой его ответ. Она и в самом деле не обратила внимания на ответ отца, правдивым он был или нет, занятая мыслями о том, что — со своей стороны — она собиралась ему сказать. Это и было реальной причиной, заставившей Кейт дожидаться отца, — причиной, вытеснившей остатки раздражения от постоянной отцовской наглости: в результате всего этого она через минуту высказала все, что долго обдумывала.

— Да... Даже теперь я готова остаться с тобой. Я не знаю, что ты мог пожелать сообщить мне, но даже если бы ты мне не написал, через день-два ты получил бы известие от меня самой. Кое-что произошло, и я лишь ждала возможности увидеться с тобой, чтобы быть уверенной. Теперь я *совершенно* уверена. Я остаюсь с тобой.

Это произвело некий эффект.

— Остаешься со мной? Где же?

— Где угодно. Я останусь с тобой. Да хотя бы и здесь.

Она уже сняла перчатки и, словно завершив то, что запланировала, уселась в кресло.

Лайонел Крой беспечно бродил по комнате с обычным, как бы отрешенным видом, мешкал с ответом, как бы ища, после ее слов, повода выпутаться половчее из этой неприятности. Кейт тотчас же поняла, что напрасно не приняла в расчет (как это можно было бы назвать) то, что он сам приготовился сказать ей. Он не только не хотел, чтобы она приезжала к нему и тем более чтобы поселилась вместе с ним: он послал за ней, чтобы расстаться с нею, простившись эффектно и торжественно, что составляло часть его привлекательности: эту часть он собирался принести в жертву дочери ради ее отъединения. Не будет ни эффектно, ни торжественно, если только она не захочет его покинуть. Соответственно, его идея заключалась в том, что он — отец — уступает желанию дочери со всем присутствующим ему благородством: он ни в коем случае не хотел бы отдалять ее от себя. Однако Кейт ни на йоту не беспокоило замешательство отца — она знала, что и ее саму очень мало трогает благотворительность. Ей приходилось видеть его по-настоящему в стольких разнообразных позициях, что теперь она могла без всяких сожалений лишить его роскоши занять еще одну — новую. И все же Кейт расслышала сдерживаемый вздох огорчения в тоне отца, когда тот произнес:

— Ах, девочка моя! Я никогда не смогу согласиться на это.

— Что же тогда ты собираешься делать?

— Я сейчас мысленно проворачиваю это. Не можешь же ты себе представить, чтобы я не думал?

— Тогда неужели ты не подумал, — спросила его дочь, — о том, что я говорю тебе? То есть о том, что я к этому готова.

Он встал перед нею, заложив руки за спину, чуть расставив ноги, и слегка покачивался взад-вперед, лицом к ней, словно приподнимаясь на носки. Создавалось впечатление, что отец тщательно обдумывает ответ.

— Нет... Я не подумал. Не мог. И не хотел.

Это был спектакль, столь респектабельный, что Кейт снова почувствовала, вспомнив об их давнем отчаянии — отчаянии дома, на Лексем-Гарденс, как мало внешность отца, когда бы то

ни было, что бы ни случилось, говорила о нем. Его умение внушать доверие, его внешняя благопристойность были самым тяжким крестом ее матери: именно эта его сторона неминуемо предьявлялась обществу, и значительно реже та, что была отвратительна, — слава богу! — они действительно не знали, что он сделал. Он совершенно явно был по-своему, в силу того особого типа, к которому принадлежал, ужасным мужем, не только потому, что с ним невозможно было жить: этот тип мужчины мог клеветой опозорить женщину, которая нашла его неприятным. Не стоял ли постоянно такой вопрос и перед самой Кейт? — ведь могло оказаться, что, в некотором смысле, будет отнюдь не легкой задачей оставить без компаньонки родителя с такой внешностью и с такими манерами. Тем не менее, хотя было много такого, о чем Кейт не знала, чего ей никогда и не снилось, у обоих — и у дочери, и у отца — в тот момент мелькнула мысль, что он-то прекрасно освоился в качестве главного персонажа подобных затруднительных положений. Если он осознавал счастливую внешность своей младшей дочери как ощутимую материальную ценность, он с самого начала еще более точно оценивал каждое из своих преимуществ, каждую из своих особенностей. Поразительно было не то, что, вопреки всему, эти преимущества ему всегда помогали, поразительно, что они не помогали ему гораздо больше. Как бы то ни было, они, повторяясь, словно навязчивая мелодия, помогали ему всю жизнь: терпеливость Кейт, вернувшаяся к ней во время разговора с отцом, показывает, как помогли ему его особенности в этот момент. В следующую секунду она ясно представила себе, какую линию он собирается вести.

— Ты что же, просишь, чтобы я поверил, что ты и правда готовилась принять это решение?

Кейт нужно было подумать о том, какую линию вести ей самой.

— Кажется, мне все равно, папа, чему ты поверишь, а чему — нет. Кстати говоря, я редко думаю о тебе как о человеке, способном чему-либо поверить, вряд ли чаще, — позволила она себе добавить, — чем думаю о том, можно ли верить тебе. Видишь ли, отец, я ведь тебя не знаю.

— И ты полагаешь, что сможешь это исправить?

— О боже, нет, вовсе нет! Это никакого отношения к моему вопросу не имеет. Если я до сего времени не смогла тебя понять, то уж никогда не смогу. Да это и не важно. Мне казалось, что с тобой можно ужиться, но понять тебя невозможно. Конечно, я не имею ни малейшего представления о том, как у тебя идут дела.

— Дела у меня не идут, — откликнулся мистер Крой почти весело.

Его дочь снова обвела взглядом комнату: могло показаться очень странным, что при том, как мало можно было здесь увидеть, она так много ей говорила. То, что бросалось в глаза прежде всего, было уродство, столь явное и ощутимое, что оно как бы утверждало свое право на существование. Оно выступало как средство информации, как фон и в этом смысле являлось устрашающим признаком жизни, так что придавало смысл ответу Кейт:

— Ох, прошу прощения. Я вижу — ты процветаешь!

— Ты опять швыряешь мне в лицо, — весьма любезным тоном задал он ей вопрос, — что я тогда не покончил с собой?

Кейт сочла, что его вопрос не требует ответа: она ведь сидела здесь, надеясь обсудить реальные проблемы.

— Ты ведь знаешь, что все наши тревоги оправдались после маминого завещания. Она смогла оставить нам даже меньше, чем опасалась. Мы не понимаем, как мы вообще жили. Все вместе составляет около двух сотен фунтов в год для Мэриан и двух — для меня, но я отказываюсь от одной сотни в пользу Мэриан.

— Ах ты, слабая душа! — произнес ее отец со вздохом, исходящим как бы из самых глубин просвещенного опыта.

— Для нас с тобой вместе, — продолжала Кейт, — эта оставшаяся сотня могла бы кое-что сделать.

— А что могло бы сделать все остальное?

— А ты сам разве ничего не можешь делать?

Отец одарил ее взглядом, потом засунул руки в карманы и, отвернувшись, направился к окну-двери, которое Кейт оставила открытым, где и остановился на некоторое время.

Кейт больше ничего не сказала: ее вопрос отправил отца к окну, и молчание длилось целую минуту, прерванное лишь призывным криком уличного торговца с тележкой, заполненной фруктами и овощами, влетевшим в комнату вместе с мягким мартовским воздухом, с худосочным солнечным светом, пугающе не подходящим к этой комнате, и с обыденным негромким шумом Чёрк-стрит. Вскоре отец подошел поближе, но с таким видом, будто вопрос дочери уже не обсуждается.

— Не понимаю, что это тебя вдруг так завело?

— Я было подумала, что ты мог и сам догадаться. Во всяком случае, позволь мне тебе сказать. Тетушка Мод сделала мне предложение. Но она также поставила мне условие. Она предлагает содержать меня.

— Так что же еще ей *может* быть от тебя нужно?

— Ох, откуда мне знать? Много всего. Я — не такая уж ценная добыча, — объяснила девушка довольно сухим тоном. — Никто никогда раньше не предлагал мне меня содержать.

Всегда выглядевший как подобает случаю, ее отец сейчас казался более удивленным, чем заинтересованным.

— Тебе никто никогда этого не предлагал? — Он задал вопрос так, словно такое было невероятно для дочери Лайонела Кроя, словно и в самом деле такое признание, даже в приливе дочерней откровенности, никак не могло соответствовать ее живой и пылкой натуре, да и ее внешности вообще.

— Во всяком случае, не богатые родственники. Она чрезвычайно добра ко мне, но говорит, что настало время нам понять друг друга.

Мистер Крой изъявил на это свое полное согласие:

— Разумеется, пора, и уже давно: я даже могу представить себе, что она имеет в виду.

— Ты в этом вполне уверен?

— Абсолютно! Она имеет в виду, что «расщедрится» для тебя, если ты прекратишь всякие сношения со мною. Ты говоришь, она поставила тебе условие. Это, конечно, и есть ее условие.

— Ну что ж, — ответила Кейт, — именно это меня и «завело». И вот я здесь.

Он показал жестом, как глубоко это его тронуло; после чего, буквально через несколько секунд, он, вполне подобающе, перевернул ситуацию:

— Ты что же, действительно полагаешь, что я, в моем положении, способен оправдать то, что ты вот так свалилась на меня?

Кейт посидела немного молча, но, когда она заговорила, голос ее звучал твердо:

— Да.

— Ну что же, тогда ты гораздо слабее умом, чем я решился бы предположить.

— Почему же? Ты живешь. Ты процветаешь. Ты в расцвете сил.

— Ох, как же вы все до сих пор меня ненавидите! — пробормотал он, снова печально взглянув в окно.

— Никто не мог бы в меньшей степени, чем ты, стать всего лишь дорогим воспоминанием, — сказала Кейт, будто не слыша его слов. — Ты ведь реально существующая личность, если такие когда-либо существовали. Мы только что согласились, что ты прекрасен. Знаешь, у меня создается впечатление, что ты — по-своему — гораздо тверже стоишь на ногах, чем я. Поэтому не стоит внушать мне, как чудовищно то, что самый факт существования меж нами родственной связи — а ведь мы с тобой в конечном счете родитель и дитя — должен сейчас иметь для нас какое-то значение. Моим соображением было, что это должно каким-то образом помочь каждому из нас. Я пока совсем — как я уже призналась — не представляю, как ты живешь, — продолжала она, — но какова бы ни была твоя жизнь, я в настоящий момент предлагаю ее принять. А со своей стороны буду делать для тебя все, что смогу.

— Понятно, — проговорил Лайонел Крой. А затем тоном, логически вполне обоснованным, задал вопрос: — А что ты *можешь*?

На это она не нашлась, как ответить, и отец воспользовался ее молчанием:

— Ты, конечно, можешь описать себя — себе самой — как существо в прекрасном полете, жертвующее своей теткой ради меня; только вот какую же пользу, хотел бы я знать, принесет

мне этот твой прекрасный полет? — Поскольку дочь все еще молчала, он развил немного свой тезис: — У нас не так много возможностей в этот очаровательный период жизни, если ты будешь столь любезна припомнить, чтобы мы могли позволить себе не ухватиться за любой насест, который нам предлагают. Мне нравится, как ты говоришь, моя дорогая, о том, чтобы «отказаться»! Никто не отказывается пользоваться ложкой из-за того, что ему приходится довольствоваться одним бульоном. А твоя ложка, то есть твоя тетка, будь любезна принять это в расчет, отчасти также моя.

Кейт поднялась с кресла, словно увидела наступающий ее усилиям конец, увидела тщету и утомительность множества обстоятельств, и снова вернулась к небольшому тусклому зеркалу, с которым общалась прежде. Она опять легким движением поправила позицию шляпки, и это вызвало у ее отца новое замечание — на этот раз, однако, его раздражение сменилось непринужденным всплеском одобрения:

— О, у тебя все в порядке! И нечего тебе попусту связаться со *мною*!

Его дочь резко повернулась к нему:

— Условие, поставленное тетей Мод, заключается в том, что я не должна иметь с тобой никакого дела вообще — никогда с тобой не видеться, не говорить, не переписываться, не подавать никаких знаков, не поддерживать с тобой никаких сношений. Она просто требует, чтобы ты для меня перестал существовать.

Всегда казалось, что отец — это была одна из тех его черт, которые все они называли «неописуемыми», — начинал ходить, чуть больше приподнимаясь на цыпочки, чтобы упругостью шага выказать веселое пренебрежение при малейшем признаке обиды. Однако ничто не выглядело столь поразительным, как то, что он мог порой принять за обиду, если не знать, что он порой мог за обиду *не* принять. Во всяком случае, сейчас он ходил, приподнявшись на носки.

— Вполне надлежащее требование твоей тетушки Мод, моя милая, — заявляю это без малейших колебаний! — Но так как его слова, хотя Кейт приходилось уже столь многое видеть, за-

ставили ее промолчать, по-видимому, из-за сразу возникшего чувства тошноты, у него оказалось время для продолжения. — Значит, таково ее условие. Но каковы ее обещания? Что она предполагает предпринять? Знаешь ли, тебе придется над этим поработать.

— Ты имеешь в виду, что мне надо дать ей почувствовать, — спросила Кейт после некоторого молчания, — как сильно я к тебе привязана?

— Ну послушай, что за жестокий, несправедливо оскорбительный договор тебе придется подписать! Я — бедный старый папочка, настоящая развалина, и тебе надо от меня отказаться! Я полностью с ней согласен. Но я не настолько старая развалина, чтобы ничего не получить за этот отказ.

— О, я думаю, — воскликнула Кейт, теперь уже почти весело, — ее идея заключается в том, что я получу очень многое!

Он встретил ее слова со всей своей неподражаемой любезностью:

— Но сообщила ли она тебе детали?

Его дочь выдержала свою роль до конца:

— Думаю, да. Более или менее. Но многое из сказанного, мне кажется, можно считать само собой разумеющимся — это то, что женщины могут сделать друг для друга, — всякие дела, которых тебе не понять.

— Нет ничего такого, что я понимал бы — всегда — лучше, чем то, что мне совершенно не нужно. Но вот что мне нужно сейчас, понимаешь ли, — продолжал Лайонел Крой, — так это довести до твоего сознания, что перед тобой открываются превосходные возможности и что, более того, такие, за которые в конечном счете ты, черт возьми, по правде говоря, должна благодарить *меня*.

— Должна признаться, я не вижу, — заметила Кейт, — какое отношение мое «сознание» имеет ко всему этому.

— В таком случае, моя дорогая девочка, тебе следовало бы устыдиться самой себя. Знаешь ли ты, доказательством чему все вы являетесь, все вы — безжалостные, пустые люди, вместе взятые? — Он задал свой вопрос с восхитительным видом внезапно охватившего его духовного жара. — Прискорбно поверх-

ностной морали нашего века. Семейные чувства в нашей столь вульгаризированной, брутализированной жизни просто пошли прахом. Было время, когда человек вроде меня — под этим я имею в виду родителя вроде меня — был бы для дочери вроде тебя определенной ценностью: тем, что в деловом мире называют, как я полагаю, «активами». — Отец продолжал весьма дружелюбно развивать эту идею. — Я говорю не только о том, что ты могла бы, должным образом ко мне относясь, сделать для меня, но и о том, что ты могла бы — это я и называю твоими возможностями — сделать со мной. Если только, — невозмутимо бросил он в следующий момент, — они не сведутся к одному и тому же. Твой долг, как и твой шанс в жизни, если только ты способна это увидеть, в том, чтобы использовать меня. Прояви семейные чувства, разглядев, на что я еще гожусь. Если бы у тебя они были такие же, как у меня, ты поняла бы, что я еще гожусь... ну, на множество разных дел. Фактически, моя дорогая, — мистер Крой совсем разошелся, — из меня еще можно вытрясти карету четверкой. — Этот ляпсус или, скорее, его высший взлет не произвел должного эффекта из-за несвоевременной поспешности памяти. Что-то из того, что дочь говорила ему раньше, неожиданно явилось ему на ум. — Так ты пришла к решению отдать половину своего маленького наследства?

Ее колебания закончились смехом.

— Нет, ни к какому решению я не пришла.

— Но ты же говорила, что практически разрешила Мэриан эту половину присвоить? — Отец и дочь стояли теперь лицом к лицу, но она так явно не пожелала ему ответить, что ему оставалось лишь продолжать: — Ты рассматриваешь для нее возможность получить три сотни в год, вдобавок к тому, что ей оставил муж? И вот *это*, — громко спросил бывалый прародитель подобной расточительности, — и есть твоя мораль?

Кейт не затруднилась ответить:

— А ты полагаешь, что мне следует отдать тебе всё?

Это «всё» его явно потрясло: настолько, что даже определило тон его ответа.

— Вовсе нет. Как ты можешь задавать мне такой вопрос, когда я отказываюсь принять то, что ты — как ты утвержда-

ешь — приехала мне предложить? Можешь трактовать мои слова как угодно, но мне кажется, я достаточно ясно выразил свою идею, и, во всяком случае, ты можешь согласиться ее принять или отказаться. Это моя единственная идея, и тем не менее, могу добавить, что это та корзина, куда я сложил все яйца. Коротко говоря, такова моя концепция твоего дочернего долга.

Дочь с усталой улыбкой наблюдала за этим последним словом, будто оно обретало видимую форму — не очень крупную, но гротескную.

— Ты просто чудесен, когда рассуждаешь о таких сюжетах. Я думаю, мне не следует оставлять у тебя ни капли сомнения, и, — продолжила она, — если я подпишу такое соглашение с тетушкой, я должна буду выполнять его с честью, до последней буквы.

— Еще бы, любовь моя! Именно к твоей чести я и взываю! Единственный способ сыграть в эту игру — это играть в нее. Ведь нет предела тому, что твоя тетя может для тебя сделать.

— Ты имеешь в виду, что она может выдать меня замуж?

— Да что же еще могу я иметь в виду? Выдать тебя замуж должным образом...

— И тогда? — спросила Кейт, поскольку отец замешкался.

— И тогда я с тобой поговорю. Я возобновлю отношения.

Кейт огляделась и подобрала с пола свой зонтик от солнца.

— Потому что ты никого на всем свете не боишься так, как ее? Мой муж, если я все-таки выйду замуж, будет в худшем случае все-таки менее ужасен, чем она? Если ты это имеешь в виду, тут может быть какой-то смысл. Но разве все не будет зависеть от того, что ты имеешь в виду под словами «выдать замуж должным образом»? Как бы то ни было, — добавила Кейт, расправляя оборку своего маленького зонтика, — я не думаю, что в твое представление о моем муже входит надежда, что он убедит тебя жить вместе с нами.

— О боже, нет! Ни в коем случае! — Отец говорил так, будто его не возмутило, что дочь приписывает ему либо опасение, либо надежду, он действительно встретил оба ее предположения с неким интеллектуальным облегчением. — Я отдаю твои дела целиком и полностью в руки твоей тетки. Принимаю ее

точку зрения не глядя: соглашусь на любого человека, избранного ею тебе в мужья. Если он окажется достаточно хорош для нее — при ее слоновых размерах снобизме, — он будет достаточно хорош и для меня. Мой интерес здесь сводится лишь к тому, чтобы ты делала то, чего хочет она. Ты уже не будешь столь жестоко бедной, моя дорогая, — заявил мистер Крой, — если я могу помочь тебе в этом.

— Ну что ж, тогда — всего хорошего, папа, — произнесла Кейт после некоторого раздумья: последние его слова ясно дали понять, что дальнейшие обсуждения ни к чему. — Конечно, ты понимаешь, что все это может затянуться надолго.

Тут ее собеседник пережил момент одного из своих лучших озарений.

— А почему бы — если откровенно — не навсегда? Ты могла бы отдать мне должное и признать, что если я что-то делаю, я никогда не делаю этого наполовину. Если я предлагаю, ради тебя, стереть себя с лица земли, то прошу лишь о последней фатальной губке, но хорошо увлажненной и должным образом примененной.

Дочь повернула к нему прелестное спокойное лицо и смотрела на отца так долго, что это и вправду могло быть в последний раз.

— Я не понимаю, какой ты, — сказала она.

— Я тоже — не больше, чем ты, моя милая. Я прожил жизнь, пытаюсь — тщетно — это выяснить. Меня не с чем сравнить — и это тем более жаль. Если бы нас — таких, как я, — было много и мы сумели бы отыскать друг друга, никто не смог бы предугадать, что мы способны совершить.

Кейт вытерпела еще минуту, чтобы прояснить ситуацию:

— Жаль, что здесь нет никого, кто мог бы засвидетельствовать — на всякий случай, — что я довела до твоего сознания свою готовность приехать.

— Ты хочешь, — спросил ее отец, — чтобы я позвал хозяйку квартиры?

— Ты можешь мне не верить, но я приехала, в самом деле надеясь, что ты сможешь найти какое-то решение. В любом случае мне очень жаль покидать тебя, когда ты плохо себя чув-

ствуешь. — При этих ее словах он отвернулся от дочери и, как делал это раньше, укрылся у окна, сделав вид, что разглядывает улицу. — Позволь мне подсказать тебе, к несчастью без свидетеля, — добавила она секунду спустя, — что есть только одно слово, которое тебе действительно надо мне сказать.

Когда он решился ответить на это, он так и остался стоять к дочери спиной.

— Если у тебя не создалось впечатления, что я его уже произнес, время, что мы с тобой здесь потратили, было потрачено совершенно впустую.

— Я свяжусь с тобой касательно тетушки, в отношении того, чего она точно хочет от меня в отношении тебя. Она хочет, чтобы я сделала выбор. Очень хорошо. Я сделаю свой выбор. Я умою руки — откажусь от нее ради тебя, в ее же стиле.

Он наконец заставил себя повернуться к ней:

— Знаешь, дорогая, меня от тебя уже тошнит! Я пытался выразиться вполне ясно, и это несправедливо с твоей стороны. — (Однако Кейт пропустила его слова мимо ушей: она была предельно искренна, ее лицо явственно говорило об этом.) — Не могу понять, что с тобой происходит, — произнес мистер Крой. — Если ты не способна взять себя в руки, я — клянусь честью — сам возьму тебя в руки. Усажу в кеб и доставлю, в целости и сохранности, обратно на Ланкастер-Гейт.

Но Кейт просто отсутствовала, была где-то далеко.

— Отец!

Это было уже слишком, и он отреагировал резко:

— Ну?

— Может быть, тебе это покажется странным — услышать такое от меня, но ты можешь сделать для меня доброе дело и оказать помощь.

— Разве не именно это я пытался дать тебе почувствовать?

— Да, — с великим терпением ответила Кейт. — Однако ты выбрал неверный способ. Я говорю с тобой абсолютно честно и знаю, о чем говорю. Я не стану притворяться, что месяц тому назад я могла бы поверить, что смогу попросить у тебя хоть в чем-то поддержки или помощи. Но ситуация изменилась — вот что произошло: у меня возникло новое затруднение. Однако

же и теперь речь не идет о том, чтобы я попросила тебя, в известном смысле, что-то «сделать». Речь просто о том, чтобы ты меня не отвергал, не уходил из моей жизни. Речь просто о том, чтобы ты сказал: «Тогда ладно, раз ты этого хочешь: мы останемся вместе. Мы не станем заранее беспокоиться о том, как и где, — у нас будет вера, и мы отыщем путь к этому». Вот и всё. Это и будет то доброе дело, какое ты можешь для меня сделать. У меня *будешь* ты, и это пойдет мне на пользу. Теперь видишь?

Если он и не видел, то не потому, что не смотрел на нее во все глаза.

— С тобой случилось то, что ты влюбилась, а твоя тетка узнала об этом и — я уверен, у нее есть для этого *причины*, — терпеть его не может и категорически против. Что ж, пусть ее! В таком деле я доверяюсь ей с закрытыми глазами. Уходи, прошу тебя.

Говорил он это без гнева, скорее, с бесконечной печалью, однако он действительно выгонял ее прочь. И прежде чем она успела осознать это, он, как бы желая полностью обозначить то, что чувствует, распахнул перед нею дверь комнаты. Но, будем справедливы: вместе с неодобрением он испытывал великодушное сочувствие. И поделился им с дочерью. Он произнес:

— Мне так жаль ее — эту обманутую женщину, если она строит свои планы в расчете на тебя.

Кейт на миг задержалась на сквозняке:

— Она вовсе не та, кого мне жаль более всего. Может, она и обманывается во многом, однако не более других. Я хочу сказать, — пояснила она, — если речь идет, как ты выразился, о ее планах в расчете на меня.

Отец воспринял это, словно она могла иметь в виду нечто совсем иное, чем свое собственное мнение.

— Тогда, следовательно, ты обманываешь двух человек — миссис Лоудер и кого-то еще?

Она как-то отрешенно покачала головой:

— Сейчас у меня вовсе нет такого намерения по отношению к кому бы то ни было, и менее всего — к миссис Лоудер. Если уж ты меня подводишь — казалось, она наконец-то осознала это, — тут все же есть кое-что положительное, хотя бы в том,

что это упрощает все дело. Я пойду своим путем — насколько я вижу свой путь.

— Твой путь, хочешь ты сказать, означает, что ты выйдешь за какого-то мерзавца без гроша в кармане?

— Ты требуешь слишком многого за то малое, что даешь, — заметила дочь.

Ее слова заставили отца снова подойти и встать прямо перед ней, словно он вдруг понял, что торопить ее не имеет смысла; и хотя он некоторое время взирал на дочь весьма сердито, надолго его не хватило — предел его способности энергично возражать ей наступил уже некоторое время тому назад.

— Если ты настолько низменна душой, чтобы вызвать порицание твоей тетки, ты достаточно низка и для того, чтобы не принять мои аргументы. Что означают твои обращенные ко мне речи, если ты не имеешь в виду совершенно неподобающую личность? Кто он такой, этот твой нищий проходимец? — продолжал он, поскольку дочь задержалась с ответом.

Когда ее ответ наконец последовал, он звучал холодно и четко:

— Он настроен по отношению к тебе самым лучшим образом. Ему на самом деле хочется быть с тобой очень добрым.

— Тогда он просто осёл! И с чего это, ради всего святого, ты полагаешь, такая характеристика сделает его лучше в моих глазах? — продолжал отец. — Ведь он и бедный, и неприемлемый. Есть болваны и болваны — поровну — приемлемые и неприемлемые, а тебе, как видно, удалось подобрать неприемлемого. Твоя тетушка, к счастью, в *них* разбирается, я совершенно доверяюсь — и говорю это постоянно — ее суждению, и ты можешь усвоить мои слова раз и навсегда: я не пожелаю слышать ни о ком, о ком не желает слышать она. — Эта тирада завершилась его последним словом: — Если же ты окажешь нам обоим открытое неповиновение...

— Да, папа?

— Ну что ж, мое милое дитя, тогда, скатившийся в ничтожество — как ты, скорее всего, поверишь всем своим любящим сердцем, — я тем не менее не лишусь возможности заставить тебя пожалеть об этом.

Кейт выдержала паузу серьезно, спокойно, и казалось, она и не думала о реальной опасности его угрозы.

— Знаешь, если я не сделаю того, о чем ты говоришь, то вовсе не потому, что испугалась тебя.

— О, если ты этого не сделаешь, можешь быть храброй сколько угодно.

— Значит, ты совсем ничего не можешь для меня сделать?

На этот раз он показал ей — и здесь уже не могло быть ошибки, все происходило прямо у нее на глазах, тут же, на лестничной площадке, на самом верху извилистой лестницы, в гуще странного запаха, который, казалось, облеплял их целиком, — какими тщетными остались ее предложения и просьбы.

— Я никогда не претендовал на то, что могу сделать больше, чем требует от меня долг: я дал тебе самый лучший и самый ясный совет. — И тут вступила в действие пружина, всегда им двигавшая. — Если я тебя огорчил, можешь отправиться за утешением к Мэриан.

Он не мог простить Кейт, что она разделила с Мэриан ту скудную долю наследства, какую мать смогла оставить ей: дочь должна была разделить деньги с *ним*.

II

Когда умерла ее мать, Кейт отправилась к миссис Лоудер — принудила себя это сделать с усилием, напряжение и мучительность которого теперь, когда все это припомнилось ей, заставили ее задуматься, какой же долгий путь прошла она с тех пор. Ничего другого делать ей не оставалось: ни гроша в доме, ничего, кроме неоплаченных счетов, скопившихся толстой пачкой за то время, что его хозяйка лежала смертельно больная, а также предостережения, чтобы Кейт не вздумала предпринимать ничего такого, что помогло бы ей получить какие-то деньги, поскольку все здесь — «семейная недвижимость». Каким образом эта недвижимость могла оказаться им полезной, было для Кейт в самом лучшем случае загадкой, таинственной и вызывающей ужас; на самом же деле она оказалась всего лишь остатком, чуть менее скудным, чем они с сестрой опасались

в течение нескольких недель; однако Кейт поначалу испытывала довольно острое чувство обиды оттого, что — как она подозревала — за этой недвижимостью ведется наблюдение от имени Мэриан и ее детей. Бог ты мой, что же такое, по их предположениям, могла она захотеть сделать с «семейной недвижимостью»? Она ведь желала лишь все отдать — отказаться от своей доли, как, вне всякого сомнения, и сделала бы, если бы этот пункт ее плана не подвергся резкому вмешательству тетушки Мод. Вмешательство тетушки Мод, и теперь не менее резкое, касалось другого, весьма существенного пункта, и главный смысл вмешательства — в этом свете — заключался в том, что нужно либо принять все целиком, либо от всего отказаться. Однако в конце зимы Кейт вряд ли могла бы сказать, какую из обдуманых ею позиций она принимает. Уже не впервые она видела себя вынужденной принимать, с подавляемым чувством иронии, то, как интерпретируют ее поведение другие люди. Очень часто кончалось тем, что она уступала, принимая удобные им версии: казалось, что это и есть реальный способ существования в обществе.

Высокий и массивный, богатый дом на Ланкастер-Гейт, напротив Гайд-парка и протяженных пространств Южного Кенсингтона, в детстве и в ранние девические годы представлялся ей самым дальним пределом ее не очень ясного юного мира. Этот дом был более далеким и более редким явлением, чем что бы то ни было, еще в том, сравнительно компактном круге, где она вращалась, и казалось — из-за рано замеченной неумолимой строгости, — что добраться до него можно, лишь преодолев длинные, прямые, лишаящие храбрости пространства, улицы, врезающиеся одна в другую, наподобие раздвижной зрительной трубы, и становящиеся все прямее и длиннее, в то время как все остальное в жизни располагалось либо — самое худшее — в окрестностях Кромвель-роуд, либо — самое отдаленное — у ближайших участков Кенсингтон-Гарденс. Миссис Лоудер была единственной «настоящей» теткой Кейт — не женой какого-нибудь дяди, и поэтому, как в древние времена или во времена великих бедствий, именно она, из всех на свете людей, должна была подать некий знак; в соответствии с этим чувств-

Содержание

ТОМ I

Книга первая	7
Книга вторая	46
Книга третья	94
Книга четвертая	128
Книга пятая	180

ТОМ II

Книга шестая	265
Книга седьмая	347
Книга восьмая	408
Книга девятая	462
Книга десятая	527
Вместо послесловия	607
Примечания. <i>И. Бессмертная</i>	629

Джеймс Г.

Д 40 Крылья голубки : роман / Генри Джеймс ; пер. с англ. И. Бессмертной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. — 640 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-05460-8

Впервые на русском — знаменитый роман американского классика, мастера психологических нюансов и тонких переживаний, автора таких признанных шедевров, как «Поворот винта», «Бостонцы» и «Женский портрет».

Англия, самое начало XX века. Небогатая девушка Кейт Крой, живущая на попечении у вздорной тетушки, хочет вопреки ее воле выйти замуж за бедного журналиста Мертона. Однажды Кейт замечает, что ее знакомая — американка-миллионерша Милли, неизлечимо больная и пытающаяся скрыть свое заболевание, — также всерьез увлечена Мертоном. Кейт совершает «неразумный» поступок — сводит ближе Милли и своего жениха. Кульминацией отношений в любовном треугольнике становится путешествие в Венецию, во время которого Кейт оставляет Милли и Мертона одних...

В 1997 г. вышла одноименная экранизация Иэна Софтли, удостоившаяся четырех номинаций на «Оскар» и двух премий Британской киноакадемии; в фильме снимались Хелена Бонэм Картер, Лайнас Роуч, Алекс Дженнингс, Шарлотта Рэмплинг.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ДЖЕЙМС
КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Елена Калявина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Бобкова, Светлана Федорова

Подписано в печать 28.03.2016. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YLN1255301R